

Название сборник получил по первой, большой, повести; но в книге есть еще и повесть маленькая, и шесть рассказов. Их объединяет не только единая тональность повествования, но и – главное – единство судьбы главного героя, и все рассказанные истории выглядят как эпизоды из его жизни или жизни его близких (чуть больше вымысла, пожалуй, лишь в рассказе «Чужой доктор»).

Основное интуитивное ощущение при чтении – мудрой стабильности, укорененности; впечатление, что автор ничего не выдумывает, а пишет именно потому, что ему есть что важное сказать об этой жизни. При всей глубине рассказы и повести исключительно стройны и сюжетны – рассуждений в них минимум. Рефлексия дана через внимание и наблюдение, а не через размышления. Герой наблюдает за собой, даже когда активно действует (этим он прежде всего и интересен).

Главный герой – человек образованный и думающий, однако прежде всего он проникательный и опытный наблюдатель. Мотив наблюдения сквозит во всех текстах сборника, у разных героев; но главный герой этот навык очевидным образом развивает и наращивает. «Я немного в стороне от самого себя и от того, что со мной происходит, со всеми нами происходит, что происходит в моей стране и в моем мире. <...> У меня постоянно так – одна часть что-то делает, другая с интересом за ней наблюдает».

«Ich любэ dich» – история о любви взаимной и, в общем-то, счастливой. Герой, разведенный москвич, работает лесником на Алтае и встречается там молодую (на

восемь лет младше) туристку-студентку: «Наш с Любой роман начался у причалившего ночью катера на прекрасном Золотом озере, продолжился в тайге...». Романтическое взаимное чувство после долгих совместных прогулок-походов по лесам, горам и рекам счастливым образом приводит к браку и рождению сына, но это все, в общем-то, предыстория. А сама история – про мужские-женские отношения, про их испытание и развитие.

Люба – психолог, и в повести будут и расстановки по Хеллингеру, и долгие разговоры и споры с прояснением позиций, ценностей и отношений. Герои понимают, что романтика истончилась, развеялась, и брак уже не спасает ни поездки в Европу, ни рождение ребенка, ни совместное клеение обоев. Их отношения спасает и делает крепче смертельная опасность – болезнь. Именно она создает в повести внутреннее напряжение. Так и кажется: еще немного – и все свалится в трагичность и непоправимость (спойлер: не свалится; во всяком случае, у главных героев). В экстремальной ситуации проявляются характеры: готовность ко всему, смирение, забота и, да, любовь.

Композиция зеркальна – ситуации опасного заболевания возникают у обоих героев и обостряют их восприятие и проживание повседневности, делая его ярким и насыщенным. И в какой-то момент героиня («любимая») говорит слова более важные, чем те, что вынесены в заглавие: «А любимая не глядела на меня, подбирала важные слова. <...> Какая она прекрасная у меня! Хочу, чтобы она еще раз повторила: “Я не хочу тебя менять. Ты нормальный, вернее, ты замечательный. Я знаю, что у тебя получится все, что ты захочешь. Просто делай так, как ты хочешь, так, как считаешь нужным. Как ты сделаешь – так и правильно, даже если неправильно”».

Про название: вот зачем оно на немецком, да еще впережку с русским? Да, в повести есть крохотный эпи-

зод, когда герой в Берлине объясняет немецкой девушке Мартине значение имени своей любимой. И все. Ну, допустим, мне-то такое название в самый раз – у меня муж немец, и мы в таком языковом миксе (русский, немецкий плюс английский) и существуем, и я, разумеется, эту фразу (Ich liebe dich – «я люблю тебя») в любом виде узнаю. Но вот зашла ко мне знакомая за книгами (моя домашняя библиотека все больше превращается в общественную – в пору формуляры выписывать) и спрашивает: «А ты сама что читаешь?». Показываю. А она: «Ой, я и название-то прочесть не могу». Так что название, будем честны, сокращает круг потенциальных читателей – не все же знают немецкий!

Да и обложка в целом не радует. Вот вас вдохновляет на чтение эта каменная баба? К содержанию она отношения, кстати, не имеет. И даже фамилию писателя Сенчина не смогли без ошибки напечатать! А его приведенная цитата смотрится как перевод непонятого названия.

Но вернемся от нелепого внешнего вида к достойному содержанию. Автор по возрасту мне ровесник, и в моем прочтении эта книга, конечно, про поколение – поколение тех, кто родился в 1970-м. «Я родился и вырос в одной стране, жил в другой, в третьей – в уютной несвободе, неуютной свободе и даже в неуютной несвободе – и все время наблюдал за собой». Определения точны: помнится и «уютная несвобода» 1970-х – начала 1980-х, и «неуютная свобода» 1990-х, и «неуютная несвобода» последних лет.

От ситуации в стране, от социума, из Москвы герой Коцгергина уходит, уходит, уходит: далеко в леса и горы, порой в пьянство (но оно будет преодолено), в чтение Кастанеды и практику магических пассов. (Кто ж не читал? Кто же не практиковал? Многие развивали и чувствовали, и наблюдали. Это все про нас.) Такой уход человека думающего, интеллигентного из общества на природу,

в дальние походы и даже на работу в лесах и в горах – это тоже мотив поколения, и он громко звучит во многих произведениях еще одного писателя-ровесника, Александра Иличевского.

В прозе Иличевского тема нашего поколения («сингулярного», «выколотого») – одна из важнейших: «... В 18–20 лет мы оказались на вершухе цунами, опрокидывавшей известно что... Хотели мы того или нет, но на свое развитие мы проецировали развитие/разрушение окружающей среды. <...> Я считал, что в лучшем случае мы хорошие наблюдатели... Однако склонность к саморазрушению в целом оказалась столь же доминирующей, как и созидательное начало. Свобода нас все-таки искупила» («Скука как интерес»).

Меня очень порадовала эта очевидная созвучность, переключка тем у Кочергина и Иличевского: поколение, наблюдатель, саморазрушение и, главное, свобода. Фраза Иличевского «Свобода нас все-таки искупила» могла бы пригодиться Кочергину в качестве эпиграфа (а в повести их много) к 7-й главе, но он выбирает несколько иной ракурс, и приведенное им в качестве эпиграфа высказывание немецкого философа и психолога Карла Ясперса («Самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы») указывает на главный спор героев – о свободе. «Уж я побольше, чем она, знаю про свободу. Я обонял, щупал, пробовал на вкус свою свободу, я ее иногда слушал целыми часами, сидя без движения. Свобода – это когда мир трогает тебя, приглашает поиграть, словно собачонка, припадая на передние лапы; когда ты выбираешь, что делать, а потом руки сладко лежат на коленях, тяжелые, раздутые от усталости... Быть свободным для меня довольно стыдно. Я наблюдал за собой, я знаю». Свобода как совокупность потенциальных возможностей, как состояние предвыбора...

Природа в изображении Кочергина напоминает и очерки Михаила Тарковского: ночевки в лесу, переправы через реки, охота. Но герой Тарковского ушел так далеко в тайгу, что для него поездка в Москву теперь сродни полету на Луну. У Кочергина же герой одной ногой в Москве, другой – в тайге. Он все время (регулярно) возвращается. И такая раздвоенность, постоянные возвращения в Москву (да откуда угодно) тоже в большой степени свойство поколения рожденных в 1970-м.

Зачем уходить в леса, на природу? Это не просто бегство из города – лес очищает, освобождает сознание. «Насекомые, туман по утрам, распластанные в воздухе крылья коршунов, топот убегающих оленей, бормотание воды в ручейках... запах мокрой шерсти и конского пота, дым костров... Все эти звуки, запахи и картинки протекали сквозь сознание – что-то вымывали внутри, что-то подтачивали, замещали, очищали мысли от пыли и чужих желаний».

Наносное, городское уходит, и проявляется главное в человеке, его суть, внутренняя сущность. Если в городе «имидж важнее, чем сущность. Имидж заменяет сущность», то на природе имидж отмирает, появляется ясность. И новое незамутненное восприятие дает иное качество наблюдения, прямое видение. Например, в рассказе «Алтынай» трое героев отправляются в тайгу на конях: Малыше, Серке, Айгырке, – и герой-наблюдатель «видит» не столько их внешнее поведение, сколько суть характеров и привычек, которые, кстати, влияют на развитие сюжета.

Герой Кочергина – это, можно сказать, выздоровевший герой Романа Сенчина (недаром процитированного на обложке), переставший пить и мучиться, осознавший свободу, преодолевший саморазрушение и смертельные опасности, очистившийся природой и перешедший

к созиданию. Путь самоочищения и наращивания внимания (вообще говоря, это путь к Богу) дает силы для терпения, любви и работы.

Страницы, посвященные строительству, работе с деревом, не уступают поэтичным описаниям природы Алтая. «Я научился строить. <...> Стены растут, мой сын наблюдает за мной. Я открываю глаза ночью, и стройка верно ждет меня... Аккуратно сложенный пиломатериал таит в себе будущие формы, источает густые смоляные феромоны. Тысячи прикосновений к мягкой сосне бревен, к гладкой березе топорища, к прохладному дубу, к вязкому ясеню. Как по-разному они пахнут, откликаются на удар, подаются железу». Неспешная и внимательная к материалу работа – описано строительство бани – не только дает герою удовлетворение от созидательного труда, но и укореняет, заземляет, фиксирует на земле.

И здесь поднимается еще одна важная для Кочергина тема: корни, связь поколений, преемственность – «мой сын наблюдает за мной». В первой повести много сказано об отце, матери, брате; да и семейные расстановки по Хеллингеру вскрывают тайны и проявляют энергии нескольких поколений. Рассказ «Фея» о том, как вся семья летом собирается в деревенском доме у бабушки, как все вместе купаются в реке; фея – это и есть девяностодвухлетняя бабка героя.

Во второй повести («Сказать до свидания») и в рассказе «Лендлорд» (опять-таки не безупречное название) главной героиней становится мать героя – Таня. Финал заглавной повести перекликается с рассказом «Поскребыш» – герой вместе с женой и подростком сыном отправляется в байдарочный поход на Кольский полуостров, в те места, где он сам побывал в детстве с родителями.

«Выехали с ребенком, втроем, чтобы он тоже почувствовал, как можно не спеша, с удовольствием погло-

щать дикое пространства, смотреть и видеть каждый день очень много... Мы прошли тем путем, которым тридцать три года назад водил меня мой отец. Забрались на байдарке на дикое озеро Ольче на Кольском полуострове...» Важно, чтобы все повторилось, чтобы мальчик впервые поймал рыбу именно на том берегу, где когда-то это сделал его (тогда десятилетний) отец.

Именно восстановление связей, повторяемость, передача опыта создают устойчивость, укорененность. «Что-то сломалось в передаче опыта. Родители даже про свой роман особо не рассказывали». А автор рассказывает. Подробно рассказывает про свою любовь, про свой роман и этим повествованием, этой повестью восстанавливает нарушенную связь.

Вставная легенда про богатыря-охотника Сартакпая, который в давнишние, сказочные времена поворачивал на Алтае реки, протягивает цепочку связей в далекое прошлое, и повесть Кочергина начинает напоминать роман еще одного писателя-ровесника – Александра Бушковского – «Рымба». Но сходство с текстом Бушковского не только в обращении к историческому, фольклорному плану, но и в тональности повествования. Имею в виду качество, которое хочется называть «любованием» – любовное восхищение природой и женщиной, трогательное и мудрое уважение к ним. И зовут главную героиню, кстати, тоже Люба.

Эпиграфы в сборнике есть только в первой повести, но зато сразу много: общий и по одному к каждой из девятнадцати глав. Основной – из Уолта Уитмена, «Песнь о себе»: «Я славлю себя и воспеваю себя...» – сразу настраивает на автофикшн, а прочие помещают повесть в довольно широкий литературный контекст: здесь и Хуан Рамон Хименес, и Надя Делаланд, и исследования про бурятские верования и шаманизм, но добрая половина эпи-

графов взята из классического китайского романа «Речные заводы» Ши Най-аня, так что спектр литературных созвучий не только широкий, но и весьма неожиданный.

Есть ли замечания к этому сборнику? Да, конечно. Но, скорее, в адрес редакторов (а их там обозначено целых три). Помимо уже упомянутого внешнего вида и невнятного названия есть проблемы с орфографией. Вот с какой радости «Скайп» с заглавной буквы? Это же не кличка собаки или лошади, это обычный скайп. А рассказ «Девушка из пионерского»? Пионерское – название поселка, почему бы вот его не написать с заглавной?

А давайте сравним описание природы на страницах 11 и 113: в первом случае – Алтай, а во втором – Кольский полуостров. «Следы чьих-то копыт и лап, хитрые узоры лишайника на камнях, голоса птиц...» Абзацы начинаются одинаково и почти совпадают, но немногим все-таки отличаются: в первом случае, например, «аромат дикого мяса в котелке», а во втором – «аромат багульника»... В каком-то смысле даже приятно, что повесть так славно закольцевалась, но позвольте: неужели природа Алтая и Кольского полуострова так похожа?! Впрочем, я не была ни там, ни там – просто удивляюсь.

Стыдно ли быть свободным? Не знаю. Стыдно быть праздным. Сборник Ильи Кочергина затронул глубоко, как немногие тексты, созвучные по доставшемуся времени и рисунку внутренней, не событийной, а душевной судьбы. Помог повторить, сформулировать прожитое и осознанное. И снова вспомнить, что свобода – подарок судьбы, доставшийся нашему поколению. Ценный подарок.